

проявлениях; 5) стремление умерить, насколько возможно, свою алчность, ослабить чувство ненависти, освободиться от иллюзий; 6) развитие способности к любви наряду со способностью к критическому, реалистическому мышлению; 7) всестороннее развитие человека и его близких как высшая цель жизни и др.

К выводам по теме: Веккер предлагает ситуацию: самолёт взлетает, означает ли это, что законы земного тяготения не действуют? Сзначает ли, что человек, оказавшись в царстве культуры, истории, не подчиняется биологическим закономерностям?

Тема 12. Теории личности в экзистенциальной психологии

12.1 Dasein-анализ Л. Бинсвангера и М. Босс

12.2 Заброшенность и судьба как основания существования

12.1 Dasein-анализ Л. Бинсвангера и М. Босса

Основы экзистенциализма

Наименование «экзистенциальная» психология произошло от латинского existential – существование.

Экзистенциальная психология берет начало в работах Серена Кьеркегора (1813 – 1855), датского философа и теолога. Кьеркегор решительно не соглашался с тем, что людей можно воспринимать и описывать как некие объекты, тем самым сводя их до уровня вещей. Для Кьеркегора не существовало жесткой границы между субъектом и объектом, а также между переживаниями человека и тем, кто их испытывает, ведь в каждый конкретный момент личность невольно отождествляет себя со своими переживаниями. Кьеркегор стремился понять людей такими, какими они живут внутри своей реальности, т. е. думающими, действующими, обладающим своей судьбой.

По Кьеркегору жизнь абсурдна и человек должен создавать свои ценности для жизни в равнодушном мире. При этом эти созданные ценности должны осознаваться как относительные.

Кьеркегор, как и многие более поздние экзистенциалисты, подчеркивал равновесие свободы и ответственности. **Однако за свою свободу и ответственность человек расплачивается чувством тревоги. Как только он окончательно осознает тревогу как неизбежность, он становится хозяином своей судьбы.**

Свобода, столь желанная и окрыляющая, по Кьеркегору, оборачивается тревогой, которая может быть непосильной для личности и от которой современный человек, живущий вне традиций и каких-либо абсолютов, не может избавиться, укрыться. Он сам должен выработать средства переживания этой тревоги.

Кьеркегор настаивал на вторичности рациональности и первичности чистого существования (экзистенциальности), которое после определённого

диалектического пути развития личности должно найти свой смысл в вере. (По Э. Ремарку: разум дан человеку для того, чтобы понять: жизнь одним разумом нельзя).

Взгляды Кьеркегора, умершего в безвестности в возрасте 42 лет, существенно повлияли на двух немецких философов - Фридриха Ницше (1844 – 1900) и Мартина Хайдеггера (1899 – 1976). Значение этих мыслителей для современной гуманитарной науки трудно переоценить.

Фридрих Ницше

Он констатировал: **«Бог умер»**. Что это значит? Дело в том, что мы унаследовали от наших предков немалое количество материального богатства, но почти ничего из тех ценностей, мифов и символов - всего того, что является основой ответственного выбора. Деструктивность – это следствие смерти бога в нашей психике: в ней нет христианской устремлённости к тому, что греет душу и поддерживает хрупкую жизнь, нет любви и воли.

П. Тиллих: «Событием, определившим поиск смысла и возникновение отчаяния в XX в., стала утрата Бога в XIX в. Фейербах отделался от Бога, объяснив Его как бесконечную жажду человеческого сердца; Маркс отделался от Него как от идеологической попытки возвыситься над наличной реальностью; Ницше отделался от Него как от того, что ослабляет волю к жизни. В результате появился лозунг "Бог умер", но вместе с Ним умерла и вся система ценностей и смыслов, внутри которой жил человек. Это ощущается и как утрата, и как освобождение. Это ведет человека либо к нигилизму, либо к мужеству, принимающему не только себя».

«Господствовать — и не быть больше рабом Божьим: осталось лишь это средство, чтобы облагородить людей». (тема воли)

«Не путайте: слезы льются от недохваленности, настоящие люди — от недолюбленности». (тема любви)

«Ах, как удобно вам приспособились! У вас есть закон и дурной глаз на того, кто только в том слух обращен против закона. Мы же свободны — что значит мы с муке ответственности в отношении самого себя!» (тема свободы и ответственности)

Мартин Хайдеггер

Вопрос бытия оказался забыт во всей истории западной философии. Бытие трактовалось неправильно, т.к. не имело «человеческого» измерения.

Направленность (интенциональность) сознания трансформировалось у М.Хайдеггера в понятие «заботы».

Dasein и есть забота.

Когда нас ничто не заботит, мы теряем свою сущность; забота является путем возвращения к нашей сущности. Если я забочусь о своей сущности, я буду уделять определенное внимание ее благополучию, если же я не забочусь о ней, моя сущность распадается. Хайдеггер "думает о заботе как об основном определяющем феномене человеческого существования". Таким образом, она *онтологична* в том смысле, что конституирует человека как человека. Воля и желание не могут быть основой заботы, скорее наоборот: они основываются на заботе. Начнем с того, что мы не можем желать или изъяслять волю, если нас ничего не заботит; а если нас что-то действительно

искренне заботит, то мы не можем не желать или не изъявлять волю. Волеизъявление – это "выпущенная на волю забота", говорит Хайдеггер, – и, я бы добавил, ставшая активной. Гарантией постоянства Я служит забота.

Бренность – вот, что делает заботу возможной. Богов на Олимпе не заботит ничто – здесь мы имеем наше объяснение того факта, который каждый из нас явно наблюдал и которому удивлялся. Именно тот факт, что мы *тленны*, делает заботу возможной. В концепции Хайдеггера забота является также источником сознания. "Сознание – это зов Заботы" и "проявляется оно как Забота".

Хайдеггер цитирует древнюю притчу о заботе, которую в конце *Фауста* использовал и Гете:

Однажды, когда Забота пересекала реку, она увидела нечто о глине. Она задумчиво подняла кусок и стала придавать ему форму. Когда она раздумывала над тем, что у нее получилось, мимо проходил Юпитер. Забота попросила его даровать тому, что она слепила, душу, что он охотно выполнил. Но когда она захотела дать этому свое имя, он запретил ей и потребовал, чтобы это было названо его именем. В то время как Забота и Юпитер спорили, поднялась Земля и пожелала, чтобы этому творению было даровано ее имя, так как она предоставила для него часть своего тела. Они попросили Сатурна рассудить их, и тот принял следующее решение которое казалось справедливым. "Так как ты, Юпитер, дал этому душу, ты получишь его душу по его кончине, так как ты, Земля, дала ему часть своего тела, ты получишь его тело. Но так как Забота первая вылепила это существо, она будет владеть им до тех пор, пока оно будет жить. А в связи с тем, что у вас возник спор по поводу его имени, пусть оно зовется "*homo*", ибо сделано из *humus* (земли)".

Эта очаровательная притча иллюстрирует один важный момент, отмеченный судьей Сатурном. Временем о том, что, хотя Человек и назван *Ното* в честь земли, в своих человеческих отношениях он все же определяется Заботой. В притче ей дана власть над ним в рамках его временного пребывания на этой земле. Это также демонстрирует понимание трех аспектов времени: прошлого, будущего и настоящего. Земле принадлежит человек в прошлом, Юпитеру – в будущем; но так как "Забота первая вылепила это существо, она будет владеть им до тех пор, пока оно будет жить", то есть, в настоящем.

Ролло Май: *«Забота – это состояние, когда что-то действительно имеет смысл. Забота – противоположность апатии. Забота – это неотъемлемый источник эроса, источник человеческой нежности. Поистине замечательно, что забота рождается в том же самом месте, что и младенец. Биологически, если бы мать не заботилась о ребенке, то он едва ли пережил бы свой первый день. Психологически, как мы знаем из исследований Шпитца, если младенец не получает материнской заботы, он отодвигается в угол кровати, замыкается, не развивается и остается в оцепенении».* (из кн. «Любовь и воля»).

Dasein – «тут-бытие», человеческое бытие.

Ответственность за собственную экзистенцию является фундаментом аутентичности человека.

Человек, по Хайдеггеру, продолжающему идею Канта, приходит в мир как возможность. А смерть – это «невозможность дальнейшей возможности».

В современную художественную практику экзистенциализм проник благодаря работам знаменитых французских писателей и эссеистов – **Жана Поля Сартра** (например, роман «Тошнота» - головокружение от

грандиозности бытия, от осознания вечности и бесконечности, от чувства свободы, от бессмысленности и отчаяния) и **Альбера Камю** («Миф о сизифе»), с именами которых зачастую в первую очередь ассоциируется рассматриваемое течение. Следует также упомянуть и религиозных философов – **Мартина Бубера** и **Пауля Тиллиха**. Экзистенциальные идеи присутствуют во многих произведениях русских писателей 19-20 вв. (**Ф. Достоевский**, **Л. Толстой**, **А. Чехов**, **Л. Андреев**). Наконец, мир искусства также испытал влияние экзистенциализма, отразившись в творчестве **Сезанна**, **Матисса** и **Пикассо**, пытавшихся выразить свободу бытия на языке своей причудливой беспредметности.

Труды Хайдеггера оказали большое влияние на взгляды швейцарских психиатров **Людвига Бинсвангера** и **Медарда Босса**. Наряду с **Карлом Ясперсом**, **Виктором Франклом**, **Ролло Мэем** они предпринимали небезуспешные попытки приспособить положения экзистенциальной психологии к клинической психотерапии.

Количество последователей данного направления, у каждого из которых было свое понимание сущности учения, достигло такого уровня, что стало угрожать существованию экзистенциализма как такового. В последнее время экзистенциализм утратил свою былую популярность, что явно пошло ему на пользу, парадоксальным образом укрепив его позиции как в философии, так и в смежных областях.

Экзистенциализм определяется как философское течение, поставившее целью выразить невыразимое — *абсолютную уникальность конкретно-личного бытия*. Представители данного направления вынуждены были создавать собственный язык и категориальный аппарат. Он объективирован прежде всего в концепте (содержание понятия) онтологической триады: «мир — бытие-в-мире — бытие» (идея разработана Хайдеггером). Опора на этот концепт характерна для всех последовательных экзистенциалистов.

Феноменологический анализ, являющийся методологической основой экзистенциализма, предложенный **Э. Гуссерлем**, актуального человеческого существования осуществляется представителями экзистенциализма путем исследования проблем *жизни и смерти*, *свободы и выбора*, *смысла существования*, *любви и одиночества*. Единственной реальностью, поддающейся изучению (?), объявляется уникальное человеческое *переживание* (отметить, что в этом – суть постмодернистской идеологии, а именно – в человекообразности).

Принципы экзистенциализма

1. *Существование предшествует сущности*. Экзистенция (существование) трактуется как противоположность эссенции (сущности). Существование означает становление, сущность подразумевает статическую материю. Существование – процесс, сущность – конечный продукт. **Ж.-П. Сартр** отмечал, что современный человек живёт в «мире абсурда», где нет ни Смысла, ни Бога. Содержанием его способен наполнить только сам человек.

Он и его существование — единственная подлинность бытия. И в человеческой природе, как и в человеческом существовании, нет ничего заведомо заданного, predetermined — нет никакой «сущности». «Существование предшествует сущности» — таков главный тезис в доктрине Сартра и Simone de Beauvoir. Сущность человека складывается из его поступков, она — результат всех совершенных им в жизни выборов, его способности к реализации своего «проекта» — им же предустановленных целей и средств, к «трансценденции» — конструированию целей и смыслов. А побудители его поступков — воля, стремление к свободе. М. Хайдеггер высказал идею о двух модусах существования: *повседневном* и *онтологическом* (онтология — от греч. *ontos* — бытие, существование, т. е. наука о бытии). В повседневном модусе мы поглощены тем, что вокруг, и интересуемся, «каковы вещи». В онтологическом же модусе (в модусе познания бытия) мы сосредоточиваемся на чуде бытия как такового и восхищаемся уже тем, что вещи (и мы сами) есть, что они существуют, обладают бытием. Здесь пролегал ключевое различие между подходами: «каковы вещи» и «вещи существуют». Поглощенные повседневным модусом, мы обращаем внимание на такие незначачие моменты, как внешность, стиль одежды, богатство, престиж. С другой стороны, живя в онтологическом модусе, мы не только лучше осознаем бытие, смерть и другие неотъемлемые свойства жизни, но приобретаем больше деланий и возможности значительно изменить мир. Мы готовы взять на себя основную задачу человека — построить истинную жизнь, наполненную смыслом, деятельностью, основанную на чувстве связанности с людьми и ведущую к самореализации. Западная цивилизация, подкреплённая авторитетом науки старалась объяснить окружающий мир, включая человека, с позиций его неизменяемой сущности. Экзистенциалисты же уверены в способности человека постоянно преодолевать себя через выбор. Человек — единственное существо, для которого его существование является проблемой. Некрофильная ориентация, ориентация на эссенцию, а не на экзистенцию: накопительство, карьеризм, следование престижу, бегство от свободы. С этим связана деструкция и шизоидная подозрительность. В замечательной повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» есть такая фраза, которую сам себе с отчаянием произносит Иван Ильич за несколько дней до смерти: «В общественном мнении я шёл в гору, и ровно настолько из меня уходила жизнь». Умиравший Иван Ильич внезапно осознаёт, что он плохо умирает потому, что плохо жил. Он начинает понимать, что не он один — все живые существа должны умереть. Он открывает новое для себя чувство — сострадание. Начинает чувствовать нежность к другим людям: к маленькому сыну, который целует его руку, к молодой жене. Ему

жаль, что он обрекает их на страдания, и когда к нему наконец приходит смерть, он встречает ее уже не с болью, но с радостью сострадания.

П.Тиллих: Не существует ни норм, ни критериев того, что правильно, а что нет. Решимость делает правильным то, что она считает правильным. Историческая роль Хайдеггера состоит в том, что он осуществил экзистенциалистский анализ мужества быть собой полнее, чем кто-либо другой, а в историческом плане – с более разрушительными последствиями. Из ранних произведений Хайдеггера – Сартр сделал такие выводы, которые поздний Хайдеггер не принял. С точки зрения истории Сартр вряд ли был прав, делая такие выводы. Сартру легче было их сделать, чем Хайдеггеру: ведь за онтологией Хайдеггера стоит мистическое понятие бытия, для Сартра – лишенное смысла. Выводы Сартра из экзистенциальной аналитики Хайдеггера не ограничены мистическим понятием бытия. Именно по этой причине Сартр стал символом сегодняшнего экзистенциализма – и не столько благодаря оригинальности своих исходных понятий, сколько благодаря радикализму, последовательности и той психологической убедительности, с которыми он их отстаивал. Ключим в виду прежде всего его тезис: **"Сущность человека есть его существование"**. Это изречение, как луч света, освещает всю сцену экзистенциалистского творчества. Его можно было бы назвать самым отчаянным и самым мужественным изречением во всей экзистенциалистской литературе. Оно означает, что человек не обладает сущностной природой: он обладает лишь возможностью сделать из себя то, что захочет. Человек сам создает то, что он есть. И ему не дано ничего, что обуславливает этот творческий процесс. Сущность его бытия – императивы "надо", "следует" – это не то, что он находит, а то, что он создает. Человек – это то, что он из себя делает. А мужество быть собой – это мужество быть тем, кем ты решил быть.

2. Нет разрыва между субъектом и объектом. По Кьеркегору: «Только такая вещь реально существует для человека, которую он сам производит своими действиями». Но человек не может быть уподоблен объекту: каждый уникален и нельзя видеть в нем только зубца в механизме индустриального общества.

3. Людям свойственно искать смысл своей жизни и происходящих с ними событий. Они задают себе вопросы, касающиеся бытия. Кто я? Стоит ли жизнь того, чтобы жить? Имеет ли она смысл? Как я могу осуществить свое человеческое призвание. Склонность если не к систематическим размышлениям по этому поводу, то, по крайней мере, к переживанию подобных проблем входит в число универсальных свойств человеческой природы.

Р. Мэй: "Это может показаться странным, но я хочу сказать, на основании своей клинической практики, а также практики моих коллег по психологии и психиатрии, что главной проблемой людей, живущих в середине двадцатого века, является *пустота*". "...Человеческое существо не может в течение долгого времени жить в состоянии пустоты; если человек не движется в определенном направлении, то это не значит, что он просто пребывает в состоянии стагнации; накапливаясь, неосуществленные возможности выливаются в патологию, отчаяние и, в конце концов, в разрушительные действия". («По ком звонит колокол?» - вопрос Хемингуэя и его же ответ: «Он звонит по тебе!») Пустота порождает апатию, равнодушие («Не моё дело»). Это – позиция шизоидной личности. Без

смысла нельзя, но: нельзя найти конкретный смысл на всю жизнь, т.к. путь не закончен. (дискуссия с человеком, который по умению определить смысл жизни судил о его зрелости). Итак, насилие и безразличие (невмешательство) сопутствуют друг другу. Более того, по Мэю, апатия провоцирует насилие!!! Необходим человек волевой и любящий, т.е. переживающий, т.е. живой. У Выготского развитие связано с овладением, подчинением, но природа не может быть и не должна быть порабощена. Иначе – болезнь. Знание – далеко не всегда сила.

4. *Каждый человек сам отвечает за то, что он из себя представляет.* Мы не можем обвинять родителей, учителей, начальство, Бога или обстоятельства. Как говорил Сартр, «человек есть не что иное, как то, что он сам из себя делает». Даже отказ от выбора становится выбором. От ответственности не уйти, как не уйти от себя.

5. *Непосредственное переживание имеет большее значение, чем объяснение.* По мнению экзистенциалистов позитивистские теории дегуманизируют людей, изображая их механическими объектами. Когда переживания переплавляются в некие надбытийные теоретические модели, они отделяются от того, кто их испытал и теряют свою подлинность.

Идейный каркас экзистенциализма образуют два основных понятия: *бытие-в-мире* и *небытие*.

Бытие-в-мире

Для объяснения природы человека экзистенциалисты придерживаются так называемого феноменологического подхода, основоположником которого считается Эдмунд Гуссерль. Основное понятие единства личности и окружающей среды выражается немецким термином *Dasein*, который означает «вот бытие» или «бытие-в-мире». Дефисы в этом термине указывают на единство субъекта и объекта, личности и мира.

Стремясь к власти над природой, человек теряет с ней связь и одновременно с самим собой. Когда человек слепо полагается на продукты индустриальной революции, он забывает о земле и небе, т.е. о единственном реальном контексте своего бытия.

Отчуждение – это болезнь нашего времени, имеющая три признака: 1) отделенность от природы; 2) недостаток значимых межличностных отношений; 3) отчуждение от своего подлинного «я».

Многие теории личности не уделяют должного внимания взаимоотношениям человека с самим собой. Между тем это один из ключевых вопросов, обсуждением которого занимается психологическая наука.

Здоровые люди поддерживают хорошие отношения с самими собой и, соответственно, с миром. Они не отчуждены от себя и от мира.

Небытие

Бытие-в-мире необходимо вызывает понимание себя как живущего, явившегося в мир существа. С другой стороны, такое понимание приводит к страху небытия или несуществования.

И. Ялом «Вглядываясь в Солнце»:

«Один из самых известных героев мировой литературы — Эбенезер Скрудж, нелюдимый, скупой старик из повести Чарльза Диккенса «Гимн Рождеству». Однако в романе с ним произошла удивительная метаморфоза. Его ледяное спокойствие вдруг растаяло, и он превратился в щедрого, добросердечного человека, всегда готового помочь ближнему.»

Что же произошло? Что вызвало эту метаморфозу? Не его совесть и не сердечность святочных поздравлений. На самом деле он испытал на себе экзистенциальную шоковую терапию, или, как я буду называть ее далее, пробуждающее переживание. Скруджа посетил Призрак Будущего (Призрак Наступающего Рождества) и устроил ему хороший сеанс шоковой терапии, предложив заглянуть в будущее. Скрудж видит собственную смерть, наблюдает, как незнакомые люди дерут из его вещи, даже за простыни, и слышит, как легко и непринужденно обходят его смерть. Затем Призрак Будущего ведет Скруджа на церковный двор и показывает его собственные похороны. Скрудж в ужасе смотрит на надгробие, оцепыляет свое имя на камне, и в этот момент его личность изменяется. Буквально в следующей сцене Скрудж предстает перед нами новым человеком, способным на самоуважение и сострадание.

В литературе и кинематографе много примеров пробуждающих переживаний — конфронтации со смертью, обогащающих нашу жизнь. Пьер Безухов, герой эпопеи Толстого «Война и мир», встречается со смертью в плену у французов, когда на его глазах расстреливают его товарищей, а ему чудом удается избежать гибели. После этого случая Пьер, заблудшая душа молодости, меняется и до конца романа действует как человек, ощущающий полную ясность смысла жизни. (Достоевский реально пережил похожую ситуацию в возрасте 28 лет, когда буквально в последний момент смертный приговор был заменен каторгой. После этого его жизнь тоже изменилась.)

Задолго до Толстого мыслители древности напоминали нам о взаимозависимости жизни и смерти. Стоики (например, Зенон, Цицерон, Марк Аврелий) говорят о том, что научиться правильно жить — значит научиться правильно умирать, и наоборот: умение правильно умирать — это умение правильно жить. Цицерон писал, что философствовать — значит готовиться к смерти, а святой Августин отмечал, что душа человека рождается только перед лицом смерти. Многие средневековые монахи хранили в своих кельях человеческие черепа, чтобы сосредоточиваться на мысли о смерти и тем самым, чему она учит живущих. Монтень говорил, что окна кабинета писателя должны выходить на кладбище — это делает мысли отчетливей.

Вот таким образом великие учителя сквозь тьму веков напоминают нам о том, что, хотя физически смерть нас уничтожает, идея смерти дарует нам спасение.

«Так, если физически смерть нас уничтожает, то идея смерти дарует нам спасение...»

Мэй писал по этому поводу:

«Чтобы охватить значение своего существования, человеку нужно охватить сперва тот факт, что он может не существовать, что каждую секунду он находится на грани возможного исчезновения и не может игнорировать неизбежность смерти, наступление которой невозможно запрограммировать на будущее» (1958 а, р. 47 – 48).

Мэй говорил о смерти, что это единственный не относительный, но абсолютный факт нашей жизни. Осознание этого факта придает моему

существованию и всему, что я делаю ежедневно, качество абсолютности. Жизнь становится более важной, более значительной перед лицом смерти.

Если же мы не готовы встретиться лицом к лицу с небытием, оно проявляет себя различными способами: злоупотребление алкоголем, наркотиками, другое рискованное поведение. Более здоровая альтернатива – стойко встречать неизбежность смерти и осознавать, что небытие – это неотделимая часть бытия.

Людвиг Бинсвангер родился 13 апреля, 1881, в Кройцленгене, Швейцария, в семье с богатыми медицинскими, в частности психиатрическими традициями. Он учился у Юнга, будучи его ассистентом, а затем у Блейлера, разделяя интерес обоих своих учителей к шизофрении. В 1907 г. Юнг познакомил Бинсвангера с Фрейдом. Дружба и сотрудничество Бинсвангера с Фрейдом продолжались, несмотря на многие разногласия в трактовке метода и целей терапевтической практики, до самой кончины последнего. Их переписка насчитывает более 60 писем. Свою первую крупную работу “Введение в проблемы общей психологии” Бинсвангер посвятил Ойгену Блейлеру и Зигмунду Фрейду. В том же 1907 г. Бинсвангер получает степень доктора медицинских наук Цюрихского Университета. В это время он активно изучает работы Дильтея и Гуссерля, все больше загораясь идеей понимания феноменологической психологии. В 1911 году Бинсвангер становится главным медицинским директором Санатория в Кройцленгене, директорами которого в прошлом были его отец и дед. В 20-х – 30-х годах прошлого века этот санаторий являлся в некотором роде местом встречи феноменологически настроенных кругов в психологии и психиатрии (В.Гибзаттель, Р.Кун, Е.Минковский, Е.Штраус). В работах Бинсвангера этого периода также заметно влияние Канта и школы неокантианцев, в частности Наторпа, а также феноменологической психопатологии Карла Яспера. Чрезвычайно значимой для Бинсвангера оказалась встреча с вышедшей в 1927г. работой Мартина Хайдеггера «Бытие и время», обусловившая впоследствии название его метода Dasein анализа (более поздние названия метода: «Психиатрический Dasein анализ», анализ экзистенциальных априорных структур, антропологический анализ, просто экзистенциальный анализ). В 1956 г., Binswanger покидает пост главного медицинского директора Санатория в Кройцленгене после 45 лет пребывания на этом посту. Бинсвангер продолжал активно работать вплоть до своей смерти в 1966.

(Интересно, что Ватотский в работе «Исторический смысл психологического кризиса» многократно цитирует Л. Бинсвангера как авторитета в области методологии психологии.)

Феноменологическая психопатология Бинсвангера не занимается делением аномальных душевных явлений на природные классы, роды и виды, не занимается она и простраиванием иерархической системы признаков (естественнонаучный подход), вместо этого она пытается проникнуть через поверхность феноменов во внутренний *мир* личности.

Бинсвангер ставит задачу феноменологического описания мира больного человека, вдвойне затрудненную тем, что этот мир предельно отличен от нашего мира. В психиатрической проблеме он видит глубокий философский смысл, - как проникнуть в аутичное мышление больного, по определению изолированное от нас и от реальности? Как не интерпретировать, рационально истолковывая, а схватить в целостности и единстве переживания тот нерациональный мир, который рождается в сознании шизофреника, невротика, ребенка? Как опытный психиатр Бинсвангер хорошо осознавал, что при помощи одной лишь эмпатии, т.е. вчувствования и вживания в мир ребенка, этой проблемы разрешить нельзя.

Поэтому Бинсвангер говорит о необходимости «переживания значений» высказывания больного, реконструкции его смыслового горизонта. Именно в «Бытии и времени» Мартина Хайдеггера, вышедшем в 1927 году, Бинсвангер нашел, как ему казалось, необходимое для ответа на эти вопросы теоретическое основание.

В экзистенциальном анализе первостепенное значение приобретает вопрос не «что я познаю», но «что я познаю-чувствую-желаю, т.е. как я существую?» Кантовские же категории представляют собой условия только одного модуса бытия-в-мире среди других – модуса объективного познания (познания объектов). Для Бинсвангера важно, какую позицию занимает человек как целое по отношению к конституируемым его же собственным рассудком содержаниям. Для проведения экзистенциального анализа необходимо собрать как можно больше данных, и затем уже производится выделение всеобщей априорной структуры – человеческой внутреннего мира.

Согласно концепции Бинсвангера, душевное здоровье предполагает осознание своего способа конституирования мира и как следствие – открытость по отношению к предоставляемым судьбой возможностям. И наоборот, захваченность своим способом конституирования мира (особым проектом мира), неспособность осознать это, приводит к психическим заболеваниям. Крайнее проявление такой «захваченности» – галлюцинации, когда человек видит только то, что позволяет ему увидеть его проект, и не способен воспринимать никакую информацию извне адекватно.

Новое (экзистенциалистское) понимание человека происходит из осознания того факта, что мы более не можем понимать человека в терминах какой-либо теории: психологической или, биологической или механистической. Человек рассматривается в понятиях чисто феноменологического рассмотрения в тотальной структуре и тотальной артикуляции его бытия-в-мире (In-der-Welt-sein). Это понятие охватывает мир индивида вместе со всем спектром его отношений с вещами и другими людьми.

Что же касается источников феноменов для анализа – это, прежде всего вербальные манифестации, такие как самоописания, рассказы о сновидениях, записи в дневниках, стихи, письма, автобиографические записи. Бинсвангер говорит о том, что источником анализа в психиатрии может быть любая деятельность пациента, тем не менее, особое внимание уделяется именно вербальным аспектам человеческой деятельности. Главное достижение ЭА по словам Бинсвангера – это то, что из каждого мира индивида выводится определенная структура, которая и определяет значение любых феноменальных проявлений, что позволяет экзистенциально интерпретировать любой фактический материал, будь то свободные ассоциации или пятна Роршаха. В такого рода исследовании, как и в любом другом научном исследовании, происходят ошибки, тупики, преждевременные интерпретации; но, так же как в любой другом исследовании, имеются пути и средства для их коррекции.

Итак, Бинсвангер в определенном смысле явился протечей Босса, выражаясь метафорически, проторив дорогу фундаментальной онтологии Хайдеггера в психиатрию и психологию. Босс начал двигаться уже по обозначенному Бинсвангером пути. При этом если учесть тот факт, что Хайдеггер был и остается одним из самых сложных философов XX века, то попытка выстроить свою теорию на базе методологии Хайдеггера не может не внушать уважения.

Что же касается психотерапевтической практики, ЭА Бинсвангера действительно обозначает конкретные пути к лучшему пониманию миров душевнобольных. Справедливости ради стоит также отметить, что далеко не всегда пафос Бинсвангера кажется напыщенным и неуместным. В своей онтологизации Любви и со-бытийности (Mitsein) в качестве главного основания онтологического и психического здоровья человека, Бинсвангер действительно идет дальше Хайдеггера, раскрывая тем самым по-новому и совершенно в иной тональности со-бытийный аспект человеческого существования. В размышлениях о Любви и со-бытийности Бинсвангер подходит к самому центру, к той связи в которой объединяется все живое, включая тех, кто оставил нас, но остался в нашей душе, нашей памяти, наших мыслях. Они живы в том, что дает саму возможность существования. Читая Бинсвангера, начинаешь яснее понимать, что означает Евангелевское: «Если я любви не имею, я кимвал звучащий».

Медард Босс родился 4 октября 1903 г. в Сент-Галлене, Швейцария. В детстве он мечтал стать художником, однако этой его мечте не суждено было осуществиться из-за противодействия отца, не любившего «безденежные» профессии. Босс, впрочем, на отца не слишком обиделся и поехал в Вену изучать медицину. В Вене, уже невзирая на возражения отца, он, будучи студентом, прошел годичный курс психоанализа у З.Фрейда. Это событие он считал одним из самых значимых моментов в своей жизни. Интересно отметить тот факт, что за анализ Боссу пришлось рассчитывать деньгами, предназначенными на еду, поэтому Фрейду пришлось часть денег Боссу возвращать, чтобы тот не умер с голоду.

После Вены, в 1928 г. Босс вернулся в Швейцарию, где получил степень доктора медицины в Цюрихском университете. В это же время он учится психоанализу у Карла Бен-Эшенбурга и медицине у Эугена Блейлера, ассистентом которого он работает в течение 4-х лет. Затем в течение 2-х лет Босс проходит психоаналитическую подготовку в Лондоне и Германии у таких известных аналитиков как Эрнст Джонс, Карен Хорни, Отто Фенихель и Вильгельм Шапиро. В Германии, кроме того, он работает вместе с Куртом Гольдштейном. В конце 30-х Босс знакомится с проживающим неподалеку от его дома Юнгом, семинары которого он будет посещать в течение десяти лет. По возвращению в Цюрих в тридцати трех летнем возрасте, он приступает к практике в качестве ортодоксального психоаналитика. Будучи восхищен терапевтическим методом Фрейда, он, тем не менее, остается крайне неудовлетворенным теоретическими основами психоанализа.

Как раз в это время, на «пике своей неудовлетворенности», Босс встречает Л.Бинсвангера, который уже в течение нескольких лет пытается найти более адекватное философское обоснование психиатрии и психотерапии, нежели естественно научное и психоаналитическое. Ознакомившись с Бинсвангеровской критикой психоаналитической парадигмы, Босс чувствует некоторое облегчение. Именно Бинсвангер знакомит Босса с работами Мартина Хайдеггера. Научные изыскания Босса прерываются Второй мировой войной, в годы которой он служит офицером медицинской службы. Интерес к Хайдеггеру у него сохраняется, а после более тщательного изучения его работ усиливается настолько, что после войны в 1947 г. Босс едет к опальному философу в Германию в Шварцвальд, где тот проживает в своем загородном доме, лишенный французскими оккупационными властями дома во Фрейбурге, а заодно и права преподавателя. На первой же встрече оба мыслителя проникаются явной симпатией друг к другу. (Стоит отметить, что Хайдеггер был очень привередлив относительно круга своего общения). С тех пор их встречи и переписка становятся регулярными и превращаются в 25-летнюю дружбу, которая прерывается только смертью Хайдеггера в 1976 г. После встречи с Хайдеггером у Босса просыпается творческое вдохновение, и он пишет одну книгу за другой в русле Dasein аналитического подхода: «Значение и содержание сексуальных перверзий» (1949г.); «Введение в психосоматическую медицину» (1954г.); «Анализ сновидений» (1953г.); «Психоанализ и Dasein анализ» (1957г.).

В 1956г. и 1958 годах, предварительно изучив хинди в институте Юнга, Босс совершает две полугодовые поездки в Индию. Там он преподает в университетах и консультирует пациентов в больницах, а кроме того, посещает несколько ашрамов, где знакомится с духовным опытом индийских гуру. Один из них - Свами Говинда Каул оказал на Босса очень глубокое влияние. Босс пишет о том, что он был поражен необыкновенным сочетанием смирения и достоинства в этом удивительном человеке. Влияние этого индийского учителя на его собственное духовное развитие Босс сравнивает с влиянием Фрейда и Хайдеггера. Результатом этих поездок Босса явилась книга «Психиатр открывает Индию» (1959г.).

В 1971г. выходит в свет главный труд Босса «Основания медицины», в котором он детально описывает соотношение медицины и психологии. Четырьмя годами позднее Босс пишет

свою последнюю систематическую работу «Вчера я видел сон», в которой обобщает опыт Dasein аналитической интерпретации сновидений, затрагивая помимо прочего проблему соотношения и разведения состояний сна и бодрствования.

В течение всей своей жизни М.Босс был необычайно деятельным человеком. Он принимал самое активное участие в жизни европейского психиатрического, психоаналитического и философского общества. В начале 50-х он основал Международную Федерацию Медицинской психотерапии, в течение долгих лет являясь ее президентом. Примерно в то же время, совместно с Манфредом Блейлером (сыном Ойгена Блейлера) и Густавом Балли, Босс основывает институт медицинской психотерапии в Цюрихе. Позже в 1971г. на базе этого института будет организован Dasein аналитический институт психотерапии и Психосоматики существующий и в настоящее время.

Технически Dasein аналитический подход Медарда Босса заключается в тотальном опрашивании терапевтами своих пациентов *Чтобы полностью вылечить – нужно все выпросить. Процесс выпрашивания способствует освобождению пациентов для максимально возможного использования своих возможностей. Не случайно Босс говорит о том, что если психоанализ спрашивает «Почему?», то Dasein анализ спрашивает «Почему бы нет?»* (Boss, 1988).

Dasein анализ подходит к человеку чуть осторожно, не доверяя никаким прекоцептам, какими бы самосведными они ни казались. Это означает, прежде всего, то, что мы избегаем какого-либо слепого принуждения человека делать то-то и то-то, оперируя такими понятиями как «Личность», «Сознание», «Психика» и т.д. Dasein-анализ призывает нас воспринимать человека не интерпретируя, таким, каков он есть, каким он сам себя представляет. Парадокс заключается в том, что такой очень простой подход к человеку позволяет сделать значительные открытия о сущности человеческой природы. Одно из таких открытий заключается в том, что **человек существует только в отношении к объектам и к другим людям в его мире.**

Но для того чтобы вообще иметь какие-либо отношения, человек должен обладать каким-то пониманием, что что-то **есть**, и что-то может **быть**. Следовательно, человеческое **бытие-в-мире** можно уподобить **высвечиванию присутствия** всего, что может произойти. В этом только высвечивании вещи и могут являться нам в своей истинной природе. Человек фундаментально есть **духовная светлость**, и как таковой он подлинно существует в мире. Причем, неважно идет ли речь об осознанных или не осознанных действиях и отношениях человека.

Dasein как свет Бытия.

Аналогия со светом играет важнейшую роль в концепции Босса. Сам феномен мира как таковой означает «высвечиваться», выходить на свет из темноты («сокрытости» у Хайдеггера). Босс понимает Dasein как «высвечивающее», выводящее вещи «на свет». Метафора света и высвечивания определяет в том числе и понимание Боссом таких вещей как психопатология, психологическая защита, терапевтический стиль, интерпретация сновидений. Защита по Боссу – есть «невыведение» отдельных аспектов жизни, а психопатология (как состояние человека)

подобна выбору жизни в темноте. Терапия возвращает людей к их базовой открытости. Мы можем назвать этот процесс также высветлением (Boss, 1962).

Иногда мы говорим «Он меня понимает», или «Она меня понимает», имея в виду нечто более сложное и глубокое, нежели просто ментальный процесс понимания значения слов. «Я живу с ним потому, что он меня понимает...». Что в это случае означает «понимать»? Как можно понять человека? Каким образом? Босс отвечает на этот вопрос так: «Понять» означает позволить другому человеку *быть* в соответствии с его внутренними потенциями, смыслами, его сущностью. Таким образом, высветить – это и есть понять, только понимание это относится к одному человеку, и ко всем вещам в мире.

12.2 Заброшенность и судьба как основания существования

Заброшенность

Знать человека по Хайдеггеру – это значит описать его состояние. Следует исходить не из идеализации человека, но из того состояния, в котором преимущественно находится человек. Каждый из нас несет отпечаток того, во что он заброшен, погружен. Возникает необходимость описать эти состояния «заброшенности». Понятие «*заброшенности*» (иногда переводят «брошенности») не означает, что человек кем-то брошен, оставлен, покинут, а только то, что он изначально погружен в особые условия своего существования.

Для описания состояния «заброшенности» Хайдеггер использует категорию “Man”. В немецком языке “Man” используется тогда, когда носитель действия не идентифицируется и не указывается. “Man” по Хайдеггеру есть доминирующий способ существования современного человека, характеризующийся безличностью, анонимностью, неявностью подлинного самости. В известной мере мы все обременены этой неподлинностью и никогда не можем полностью избавиться от этого состояния. Сама современная цивилизация с характерным для нее культом техники по многом препятствует проявлению подлинного в человеке. Потому что подлинное по Хайдеггеру – это то, что рождается само и не поддается постановке на конвейер.

Поскольку доминирующий способ осуществления человеческой жизни характеризуется заброшенностью в мир сущего и «захваченностью» этим миром, всегда имеется соблазн раствориться в ритме повседневной суеты. Неспособности дистанцирования по отношению к этому растворению представляет угрозу для подлинности жизни, причем опасность эта имеет тенденцию к усугублению, стимулируемому темпами современного развития человечества. В результате этих процессов человек оказывается перед угрозой потери целостности смыслового горизонта, *забвения смысла бытия*.

По словам Гельдерлина, которого любит цитировать Хайдеггер, «где опасность, там и спасение».

В этом мире я только прохожий (С.Есенин)

*Все мы в этой жизни - пилигримы,
Вечные скитальцы и бродяги.*